

Сказ о Даромире Горынычѣ

Давид Хаджинов

Сказ о Даромире Горыныче

«Автор»

2026

Хаджинов Д. А.

Сказ о Даромире Горыныче / Д. А. Хаджинов — «Автор», 2026

Что же может приключиться с гонимым сыном мельника деревенского, ежели захочет он однажды храбром стать? Неспроста, разумеется. А потому, что на дворе 1248-й год. Татарове уж с десяток лет как города русские пожгли, а Новгород всё стоит, рукою Александра Новгородского управляемый. Кусают локти басурмане, ведь остался у людей наших оплот надежды и справедливости от гнёта их беспросветного. И вот, деревня Житники близ Новгорода славилась своим покоем, но даже там дух лукавый обитал – мельника тамошнего в связях с водяным обвиняли, да сынка его как следует по темечку били всяк случай. Настал черёд, когда деревню ту тоже ненастье постигло и был вынужден Даромир, сын мельника, делать оттуда ноги. А что ждало его в славном Новгороде далее, кого он там встретил и исполнил ли свою мечту давнюю – это уж одному Богу ведомо!

© Хаджинов Д. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 – Сказание о старине	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Давид Хаджинов

Сказ о Даромире Горыныче

Глава 1 – Сказание о старине

Полнится мать-земля русская былинами да сказаниями всякими. Ибо поистине древний народ – словене, позже ставшие славянами. Бесчисленное множество языков (то есть, народов) слыхали о подвигах этих людей. Всякий дух, до кого дойдёт слово доброе о русинах, чьи владения простираются от Дуная до Днепра, слыхал об их светлости, могуществе, прямоте и щедрости.

Ровно так же, каждый словенин, почитающий отца, матушку и землю русскую сказывал обо всём, что там творится, прославляя народ свой, впечатывая жизнь его на веки вечные в сердце самой Земли. Оттого и я, чего уж лукавить, свою историю ведаю. Верю, что и в вас мой рассказ пробудит интерес. А возможно и другие чувства, что зарылись под слоями пыли с давних времён, ожидая лишь вашего намёка: желания погрузиться с головой в самое пекло интересных событий.

Начиналось-то всё бурно. Жил-был народ, что начал свой отсчёт на Дунае. Территории народа того с годами росли. Осваивали люди их умело, относились к ним с любовью и почестями, ибо земля – она как мать! Её почитать следует. Так и порешили несколько древних племён, что нечего землю родную попусту кровью окроплять: объединиться надобно. «Правителя бы нам, держателя земли нашей!» – решили словене. Да только каждый из них не годен был честно править, ибо хочешь-не хочешь, а своё племя всяко роднее. Так или иначе остальные не удел останутся.

Так отправили они письмо люду заморскому, видному воину тамошнему. Приходи, дескать, к нам. Земля у нас большая, великая, да править некому. Так ступила на землю русскую с помоста нога первого князя Новгородского, Рюрика. Варяг хоть и был мужиком каких поискать, и то диву дался, как наших молодцев увидел. Гляди, того и переспросил у одного из вождей племени, что встретил его.

– А как звать вас, люди? – восхищённо поинтересовался варяг.

– Так ведь это... Русь мы, мил человек! – отчеканил старейшина.

– Русы? – переспросил немец (то есть иностранец).

– Русь! – твёрд был вождь одного из племён. Призадумавшись, ухмыльнулся. – Запомни, князь: править будешь Русью. А люди твои – русины.

Варяг и рад был править со своею свитою. Правил он, братья его, затем потомки: был он суров, как и все после него, ибо в те жестокие времена, хороший правитель – это, прежде всего, славный воин, а никакой не дипломат! Каждый, прежде всего, держал в руке меч али копьё. Пером тогда воевать не умели. И спустя более чем тысячу лет многие так и не научились. Тяжело бремя знания, ибо не оно является ключом к власти – им всегда была лишь сила.

Владимир Красно Солнышко попытался изменить устои: получил власть неслыханную вмиг, как Русь нашу славную перекрестил. Христианство принесло народу покой, а князю Киевскому, родненькому, связи с Византией, на благо нашей земли славной. По крайней мере, так должно было быть. Множество былин говорят именно так, а потом и заканчиваются там, где мой вам сказ берёт своё начало.

Хотите верьте, хотите нет, народ принял новую веру далеко не сразу. К тому же, и Владимир, как было сказано, был сперва человеком с кольчугой вместо рубахи, а уж потом правителем. Оттого сердце его было не пронзить: ни стрелой, ни мольбами. Жестоко обошёлся он с прошлыми хранителями Руси: приказал идолов из земли выкорчевать, да на верёвке к

лошади привязать, по всему княжеству прокатить! Глядите, мол, Перун и Сварог, как с вами христиане поступают! Нипочём, дескать, мне гнев ваш!

Слёзы лили девицы и старцы – ручьём стремительным лилась их горечь: сквозь года, поколения и князей, сменяющих друг друга. Не веровали русины в Господа поначалу. Да и века погодя, сохранили они быт старинный да верование своё из мести к стальному характеру реформ царя-Батюшки. Тот же мозгами пораскинул, покумекал с боярами. Пришли они к успокоению, мол всё изменчиво. Было и есть. Даже та боль: неистовая, уходящая корнями в само бытие жителей Руси, и та притупится. Однако, известно каждому, кто бывал в перепалках, что книга, например, ежели толстенная, добротная, чело расквасит – навредит похлеще заточенного клинка. Так и традиции русин, пробили себе место в сердце народа величественного. Времени прошло, как сказано, немало. И врагов земля наша немало встретила. Гинули они полчищами. Все как один! Ибо великими были правители на Руси-Матушке, даже тогда, когда женщина меч держала, направляя его против недругов государства.

Веками собиралось иго тёмное, дабы Родину нашу поработить. Однако, запомнит народ лишь те годы, когда неисчислимая орда набралась-таки смелости, на землю русскую ступить. Крепки были кулаки, что творили бесчинства. Неведомо было горе человеческое им, ибо немые они были: языка не знавши, хохотали они, слушая звуки чужеродные.

Не слышали татарове ни плача, ни брани – не ведали языка русского. Но не от невежества смелость их проистекала, а от железной дисциплины да смертной казни заслушание. Когда пал град Владимир, оплот земли Суздальской, тогда уж всем стало ясно: пришла беда, какой свет не видывал. Не орда дикая, а кара Господня, меч в руке незнаемого народа.

Ох и порезвилось племя басурманское, пламенем беспощадным обвивая сердце каждого русина. А ведь оно ясно, где – в родне наша сила, в земле, в хозяйстве. Сожгли всё, негодяи! Лошади их, чёрные, словно тучи, затоптали весь быт крестьянский, саму суть жизни их: такой простой, бесхитростной, но такой обыденной для всего русского народа. Изничтожили поля, все до единого. Урожай сожрали, а что-то и сожгли. На радость своим богам и назло нашему, теперь уж Единому.

Бежал люд, куда глаза глядят. Некогда великие города, внушавшие ужас, не смогли дать бой безжалостным воинам, чья жизнь была одним большим сражением. А потому, пол мира пали ниц к их ногам, ибо в глазах их каждый, кто не подчинился – непослушный скот. Нет другого пути, как приговорить его к казни за бунт. Ежели иначе поступить, то рискуешь головы лишиться. Тогда Бату-хан или же Батый, не ведал, что рано или поздно падёт он пред русской волей. Страха не знал, смехом давился. А о Новгороде Великом, что на севере лежит, Батый и впрямь помышлял. Да только не по Студёному морю путь его лежал – кораблей у конной рати не было. Шли они зимним путём, по льду рек замёрзших. Но как дошли до урочища Игнач-Крест, вёрст за сто от Новгорода, повернули вспять. То ли распутица весенняя одолела, то ли сама Земля-Матушка на защиту встала – отвела беду от града вольного. Одна напасть: ежели меч ордынский Новгород Великий не застал, то тень его пала на град русский, закрыв солнце на долгие годы. Явились посланники татарове лет через десяток опосля Владимира сожжённого, в Новгород, да такие, что без слёз не взглянешь. Исхудали бесы, потрепала их земля русская, не сдавшись без боя. Князь Александр, воевода тамошний, битвой Невской закалён, шведов треклятых от Руси прогнавший, воином был хоть куда. Истинный новгородский муж. Стоял уж на границе града и шурился в сторону конницы ордынской. Немудрено, ежели так насмехался над ними. Проявил он честь и смелость недюжинную, когда позволил им прибыть без боя.

Те давай сразу смехом заливаться, когда землицы ногами коснулись. Спотыкаясь через одного, забавлялись они бесстыдно, принимая сдержанность Александра Ярославича за слабость.

– Зовёшься? – крикнул самый видный басурманин, уткнувшись глазёнками в князя. Вздыхал он тяжело, словно его хромого на бой с десятком воинов послали ранее, а он и уцелел лишь чудом.

– Зовут меня Александр Ярославич, басурманин! Я князь местный, Батыем поставленный!

– Князь! – завопил туземец. Княже чудом меч из ножен не выхватил, но рука его на рукояти сжалась сильнее. Чужак оружие не брал, но один только его вид предрекал нелёгкий бой. – Нойон-Нойон! Князь-Нойон! – Продолжал он, указывая толстым пальцем на князя. – Багатур! – приложил он ладошку к груди.

– Багатур? – со вздохом спросил Александр. – Нельзя ли толмача было прислать? Ни черта ж не ясно, чего надобно вам? – Взгляд русского воеводы устремился в толпу чужеземцев, дабы отыскать хоть кого-то ремесла толмачёвского. – Батый-хан где, Багатур? Знаешь, али нет?! – сдерживал князь свою горечь от проявленного неуважения.

– Хан далеко! – ревел ордынец. – Багатур здесь! Дань платить!

– Нет-нет, – послышался смешной голос прямо за спиной верзилы. – Тут я, тут я! – ссохшийся коротышка, без кожаной брони, в одной жилетке да штанах широких выступил вперёд Багатура. Медленно ступал, со всем тем достоинством, которое явно хотел к себе иметь. В глазе его хитрость проступала. Презрение к народу захваченному, а голову так и не склонившему. – Он говорит не дань платить, а людей своих давай, Александр-нойон.

– С чего это вдруг?! Точно верно говоришь? – Князь встрепыхнулся, а с ним и весь люд новгородский.

– Так ведь это... Хе! – коротышка показал зубы в улыбке. На миг будто позволил он себе поставить лик свой загорелый выше князя русского. – Багатур, – добрый воин значит. Не имя это, князь. Вблизи земли твоей погиб один такой. – Князюшка хмыкнул недобро, чуя к чему беседа ведёт. – Закон степи таков: кровь за кровь. Теперь уж положено тебе с десятков голов положить. Мы их в полон! Казним у себя. Дабы всё честно было.

– Ах вот оно что! Владимир сожгли, Киев тоже! Чернигов... – дрогнул голос воеводы. – Хотите мало-помалу весь русский народ со свету свести? Не бывать этому! – Александр едва ли не рванул вперёд, полный ярости, обиды за своих людей. Тогда-то и случилась некое диво в сказе этом.

– Стойте! – крикнул неизвестный. Голос его звучал за спинами дружины князя. Мужик лет тридцати отроду растолкал солдат, ошалевших оттого, как некто, ходячий в обносках, на вид, не имеющий ничего благородного за душою, посмел встрять в сражение князя с Багатуром. – Княже, позволь молвить слово. – Дружина копьё наострила, а Александр Ярославич, не будь дураком, дал высказаться земляку. – Ежели надобно им с десятков, и позволит это крови избежать, – найду до захода солнца я мужей. У нас, как известно, что не новгородец, то воин! Немудрено ведь, что изничтожат в ином разе.

Кивнул князь, поверил начисто незнакомцу. А народ и рад за зрелищем понаблюдать. Злится в душе новгородец, да землю свою бережёт: огню и соли придавать не хочет. Тем временем, шёл смельчак прямо к толмачу ордынскому, точно хитрость задумал какую. Руку выставил и молвит:

– Будут вам воинов с десятков. Да таких, что пред именами их земля содрогается! – Толмач на радостях руку мужа новгородского чуть с собой не утащил: пожал мягко, а трепал что есть сил. – Немудрено дело – вечера дожидаться. До тех пор – забудьте о просьбе. Суший пустяк.

– Чего-чего? – движения толмача притупились, будто смутился он из-за слова неведомого.

– Пустяк говорю! Забудьте, – невольно усмехнулся новгородец.

На том и порешили. Вот только татарове не явились к вратам Новгорода более: ни вечером, ни позднее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.